

АНДРЕЙ
ЗОРИН
ЖИЗНЬ
ЛЬВА
ТОЛСТОГО
ОПЫТ
ПРОЧТЕНИЯ

Андрей Зорин

**Жизнь Льва Толстого.
Опыт прочтения**

«НЛО»

2020

Зорин А.

Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения / А. Зорин — «НЛО»,
2020

ISBN 978-5-4448-1345-4

Лев Толстой давно стал визитной карточкой русской культуры, но в современной России его восприятие нередко затуманено стереотипами, идущими от советской традиции, – школьным преподаванием, желанием противопоставить Толстого-художника Толстому-мыслителю. Между тем именно сегодня Толстой поразительно актуален: идея ненасильственного сопротивления, вегетарианство, дауншифтинг, требование отказа от военной службы, борьба за сохранение природы, отношение к любви и к сексуальности – все, что казалось его странностью, становится мировым интеллектуальным мейнстримом. Новая краткая биография великого писателя прослеживает основные линии его судьбы и творчества. Художественное и философское наследие Толстого рассматривается здесь наравне с военным опытом, крестьянским трудом и семейной трагедией. Такой «интегративный» подход позволяет говорить о нем вне набивших оскомину рассуждений о «противоречиях» и яснее разглядеть уникальные последовательность и цельность его жизненного пути. Андрей Зорин – историк литературы, профессор Оксфордского университета и МВШСЭН.

ISBN 978-5-4448-1345-4

© Зорин А., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

От автора	5
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Зорин

Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения

Памяти Бориса (Баруха) Бермана

От автора

Эта книга представляет собой переработанную версию английской биографии Толстого, написанной для серии «Critical Lives» издательства «Reaktion Books». Предлагая книгу вниманию российского читателя, я исходил прежде всего из двух соображений. Толстому исключительно везло на биографов, посвятивших его насыщенной трудами и днями жизни, подробные и глубокие исследования. Мне представлялось важным уместить этот объемный и разнообразный материал в сжатый текст, попытавшись одновременно сохранить основные линии судьбы героя. Кроме того, русская биографическая традиция часто разделяет жизнь и творчество, выводя анализ художественного или философского наследия за пределы биографического жанра. Между тем произведения великих писателей и мыслителей не столько «отражают» жизнь их создателей, сколько составляют ее. «Война и мир», «В чем моя вера?» или «Круг чтения» не менее важные факты биографии Толстого, чем его военный опыт, крестьянский труд или семейная трагедия. На мой взгляд, такой интегративный подход позволяет говорить о Толстом вне набивших оскомину рассуждений о «противоречиях» и яснее разглядеть уникальные последовательность и цельность его жизненного пути. Насколько эта книга помогает приблизиться к этой цели, судить, разумеется, не автору.

Английская версия биографии не могла бы быть написана без постоянной дружеской помощи Алекса Уилбрэхема и Аркадия Островского. Я благодарен Михаилу Долбилову, взявшему на себя труд прочитать рукопись и сделать ценные замечания, и всем рецензентам. Подготовка русской версии была осуществлена по инициативе Ирины Прохоровой, которой я искренне признателен. Большую помощь в моей работе оказали сотрудники Музея Толстого в Москве и Ясной Поляне. Как всегда, я многим обязан поддержке и критическим замечаниям моей жены Ирины Зориной.

В молодости мне доводилось много говорить о Толстом со своим близким другом Борисом Берманом (1957–1992). Новые интересы отвлекли его от толстовских занятий, его книга о Толстом не была завершена, а статьи появились в печати только после его трагической гибели. Я сомневаюсь, что он согласился бы со всем, что я здесь пишу. Но память о наших разговорах, а еще больше обаяние его личности и страстность его интеллектуального поиска были для меня важной опорой в работе. С искренней благодарностью я посвящаю эту книгу его памяти.

Глава первая Честолюбивый сирота

В мае 1878 года, завершая работу над «Анной Карениной» и уже находясь на раннем этапе самого глубокого духовного кризиса, который ему доводилось переживать, Толстой начал набрасывать мемуары, предварительно озаглавленные «Моя жизнь». В течение одного дня он написал несколько разрозненных фрагментов, содержащих воспоминания о годах его раннего детства. Дальше работа не пошла. В первом из этих отрывков Толстой писал:

Вот первые мои воспоминания <такие, которые я не умею поставить по порядку, не зная, что было прежде, что после. О некоторых даже не знаю, было ли то во сне, или наяву. Вот они.> Я связан, мне хочется выпростать руки, и я не могу этого сделать. Я кричу и плачу, и мне самому неприятен мой крик, но я не могу остановиться. Надо мною стоят нагнувшись кто-то, я не помню кто, и всё это в полутьме, но я помню, что двое, и крик мой действует на них: они тревожатся от моего крика, но не развязывают меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Им кажется, что это нужно (т. е. то, чтобы я был связан), тогда как я знаю, что это не нужно, и хочу доказать им это, и я заливаюсь криком противным для самого меня, но неудержимым. Я чувствую несправедливость и жестокость не людей, потому что они жалеют меня, но судьбы и жалость над самим собою. Я не знаю и никогда не узнаю, что такое это было: пеленали ли меня, когда я был грудной, и я выдирали руки, или это пеленали меня, уже когда мне было больше года, чтобы я не расчесывал лишаи, собрал ли я в одно это воспоминание, как то бывает во сне, много впечатлений, но верно то, что это было первое и самое сильное мое впечатление жизни. И памятно мне не крик мой, не страданье, но сложность, противуречивость впечатления. Мне хочется свободы, она никому не мешает, и меня мучают. Им меня жалко, и они завязывают меня, и я, кому всё нужно, я слаб, а они сильны. (ПСС, XXIII, 469–470)¹

Нет смысла искать здесь материал для психоаналитических упражнений. «Первое и самое сильное» впечатление жизни мемуариста не было извлечено из глубин его подсознания на кушетке психоаналитика, но представляет собой вполне сознательную и отрефлектированную (ре)конструкцию, сделанную пятидесятилетним писателем. Толстой видит себя младенцем, но ему «памятны» сложность и противуречивость его переживания, сутью которого оказывается чувство связанности и несвободы. Он специально обращает внимание на то, что стоящие рядом люди любят и жалеют его, их жестокость – это жестокость заботы. Маленький Лев пытается вырваться из тисков этого ласкового деспотизма, но он слишком слаб, чтобы освободить себя от власти тех, кто, желая ему добра, не позволяет ему шелохнуться. Эта мучительная борьба будет пронизывать всю его жизнь вплоть до самых последних мгновений.

* * *

Традиционную биографию принято начинать с рассказа о семье, в которой родился герой. В случае с Львом Николаевичем Толстым такой рассказ оказывается столь же необхо-

¹ Все цитаты из Толстого, кроме специально оговоренных случаев, приведены по Полному собранию сочинений в 90 томах (М.: Л., 1928–1964) с указанием тома и страницы в тексте.

димым, сколь и избыточным. С одной стороны, семья писателя описана в «Войне и мире» с такой выразительностью, что любая реальность обречена померкнуть на этом фоне. С другой, генеалогия Толстого важна для понимания его великого романа и во многом определила его собственную судьбу. В своем повествовании Толстой характерным для него образом затушевал границу между вымыслом и историей, слегка изменив фамилии героев. Так, Волконские, предки писателя с материнской стороны, стали Болконскими, а Толстые – сначала Простыми (Простовыми), а потом Ростовыми. Вероятно, фамилия Простой слишком отдавала моралистической комедией XVIII века. Отбросив первую букву, Толстой связал отцовскую линию своей семьи с названием древнерусского города, как бы подчеркнув свои национальные корни.

Для современного читателя графский титул плохо вяжется с идеей простоты. Однако в России его стали жаловать только с петровских времен. Рядом с Рюриковичами Волконскими Толстые выглядели как парвеню. Недаром в романе старый князь Николай Андреевич Болконский рассматривает намерение сына жениться на «графинюшке» как мезальянс.

В сущности, брак родителей Толстого и был мезальянсом. Кроме всего прочего, княжна Мария Николаевна Волконская была богатой наследницей, в то время как ее муж, граф Николай Ильич Толстой, был из-за расточительного образа жизни своего отца полностью разорен и обременен долгами. Их свадьба состоялась в 1822-м, через год после смерти отца невесты. Марии Николаевне было 32 года, в ту эпоху она уже вполне могла считаться старой девицей, к тому же, как вспоминал Толстой, она была «нехороша собой». Николай Ильич был на четыре года моложе невесты.

В «Войне и мире» Толстой не скрывает от читателей прагматическую сторону брака героев, что, однако, ни в малейшей мере не противоречит любви и согласию в этом заключенном на небесах союзе. Неизвестно, в какой мере семейная жизнь родителей Толстого походила на идиллическую картину, описанную в эпилоге романа. Даже если слухи о любовных похождении графа не соответствуют действительности, мы знаем, что он проводил очень много времени вдали от дома, охотясь или занимаясь своими бесчисленными тяжбами в судебных присутствиях. Его жена построила в фамильном парке специальную беседку, где по заведенной привычке дожидалась возвращения мужа.

Толстой писал, что его мать была идеальной женой, которая на самом деле не любила мужа. Ее сердце безраздельно принадлежало детям, особенно старшему Николаю и Льву, ее четвертому и младшему сыну. Льву, родившемуся 28 августа 1828 года, было всего два, когда умерла его мать – через несколько месяцев после появления на свет единственной дочери Марии.

Эта утрата произвела неизгладимое впечатление на Толстого. Он поклонялся памяти матери и любил проводить время в ее любимом уголке родового парка. Позже он настаивал на том, чтобы его жена рожала на том же диване, на котором появился на свет он сам, а главное, бесконечно тосковал по материнской любви, которой был лишен. Он не помнил матери и радовался тому, что в доме не сохранилось ее портретов за исключением вырезанного из черной бумаги силуэта. Образ самого дорогого человека, который он хранил в душе, не нуждался в материальных подтверждениях. Толстой вспоминал: «...в средний период моей жизни, во время борьбы с одолевавшими меня искушениями, я молился ее душе, прося ее помочь мне, и эта молитва всегда помогала мне» (ПСС, XXXIV, 354).

В 1906 году, 77-летним стариком, Толстой записал в дневнике:

Целый день тупое, тоскливое состояние. К вечеру состояние это перешло в умиление – желание ласки – любви. Хотелось, как в детстве, прильнуть к любящему, жалеющему существу и умиленно плакать и быть утешаемым. Но кто такое существо, к к[оторому] бы я мог прильнуть так? Перебираю всех любимых мною людей – ни один не годится. К кому же прильнуть? Сделаться маленьким и к матери, как я представляю ее себе.

Да, да, маменька, к[отор]ую я никогда не называл еще, не умея говорить. Да, она, высшее мое представление о чистой любви, но не холодной божеской, а земной, теплой, материнской. К этой тянулась моя лучшая, уставшая душа. Ты, маменька, ты приласкай меня. – Все это безумно, но все это правда. (ПСС, LV, 374)

Сознание сиротства не оставляло Толстого. По его словам, когда он стал помнить себя, «уже смерть матери наложила свою печать на жизнь» семьи (ПСС, XXXIV, 354). К этому ощущению добавилась и ранняя смерть отца. В июне 1837 года, когда Льву еще не исполнилось девяти лет, граф внезапно умер от удара во время своего пребывания в Туле. Были подозрения, что Николая Ильича отравили сопровождавшие его в город крестьяне. Позднее Толстой говорил, что никогда не верил этим слухам, но знал о них, – можно себе представить, какое воздействие должны были оказать подобные разговоры на впечатлительного мальчика.

Вероятно, эти потери способствовали тому, что юный Лев рос застенчивым и чувствительным ребенком, родственники называли его «Лёва-рёва». Кроме того, он отставал от братьев в учебе и исключительно тяжело переживал свою физическую непривлекательность. Эти переживания преследовали его всю молодость; вплоть до женитьбы Толстой не мог поверить, что какая-нибудь женщина может увлечься столь некрасивым человеком, как он.

Идиллический мир первых лет его жизни, описанный в «Детстве», был порожден не столько реальным опытом, сколько литературным воображением писателя. Это изысканное и трогательное повествование о мыслях и чувствах дворянского мальчика переполнено автобиографическими деталями и до сих пор во многом определяет наши представления о среде, в которой рос Толстой в яснополянском имении князей Волконских.

Идиллия обрывается внезапной смертью матери рассказчика. «Отрочество» и «Юность», две следующие части автобиографической трилогии Толстого, посвящены истории психологических проблем и мучительных сомнений, бушевающих героя.

В «Детстве» Толстой перенес первую и главную утрату своей жизни с двух на одиннадцать лет, и это хронологическое смещение позволило ему изобразить радостное детство героя, не осложненное чувствами одиночества и сиротства, которые он сам испытывал ребенком. Идиллический мир «Детства» – такой же семейный миф, как и идиллическая семья, возникающая на страницах «Войны и мира».

Ясная Поляна была связана для Толстого и с мечтой о всеобщем счастье. Ни один биограф писателя не пропускает знаменитую историю зеленой палочки, сыгравшую столь важную роль в его жизни. Во время их детских игр Николай, старший из братьев Толстых, как-то рассказал младшим, что где-то в их имении зарыта зеленая палочка и тот, кому посчастливится ее найти, сможет принести счастье всему человечеству. Маленький Лев был глубоко потрясен. Вера в существование зеленой палочки и стремление отыскать ее руководили им всю жизнь. За несколько лет до смерти он дал статье, посвященной изложению его религиозных взглядов, название «Зеленая палочка» и завещал похоронить себя около того места, где он мальчиком искал этот клад. В своих воспоминаниях Толстой писал:

И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает. (ПСС, XXXIV, 386)

Осиротевшие дети остались на попечении многочисленных тетушек. Одна из них, Татьяна Александровна Ергольская, которую Лев называл Туанет, стала для него душой Ясной Поляны. Выросшая на положении бедной родственницы в семье деда Толстого, Туанет была влюблена в своего троюродного брата Николая, отца писателя. Принеся в жертву собственные чувства, она предоставила возможность возлюбленному жениться на богатой наследнице.

В 1836 году, стремясь дать детям любящую мачеху, которая никогда их не оставит, овдовевший граф сделал ей предложение. Ергольская отказала, но с готовностью приняла на себя заботы о детях. Лев был ее любимцем. Двусмысленный статус Туанет в семействе Толстых отразился в «Войне и мире» – в весьма нелестном описании положения, которое занимает Соня в доме Николая Ростова и княжны Марьи. Ергольская прожила достаточно долго, чтобы прочесть роман, но сведений о ее реакции не сохранилось.

Отказавшись от возможности стать мачехой младшим Толстым, Ергольская потеряла также право быть их опекуном. Сестры покойного Николая Ильича были признаны более близкими родственниками. Когда в 1841 году умерла одна из них, Александра Ильинична Остен-Сакен, детей передали под надзор другой сестры, Пелагеи Ильиничны Юшковой, которая жила с мужем в Казани. Город, где находился один из шести существовавших тогда в Российской империи университетов, казался вполне подходящим местом для братьев, которым настало время получать образование. В силу своего местоположения Казанский университет был естественным центром для исследований Востока. После первой неудачной попытки Лев в 1844 году со второго захода поступил на факультет восточных языков.

На пять с половиной лет, которые он провел в Казани, пришелся весь тинейджерский период жизни Толстого. Самой главной проблемой, с которой он здесь столкнулся, стал конфликт между обуревавшими его сексуальными влечениями и мечтой о физической и моральной чистоте. Он очень хорошо помнил, что именно первородный грех стал причиной изгнания человечества из рая. В «Детстве» Толстой с нежной снисходительностью умудренного жизнью человека изобразил детский эротизм, пробуждающийся в десятилетнем мальчике, неожиданно для себя целующем ровесницу в обнаженное плечо. Покинув яснополянский Эдем, он вынужден был теперь иметь дело с куда менее тонкими чувствами.

Казанские родственники не особенно строго следили за Толстым-подростком. Он был совсем не богат, но кое-какие деньги у него водились. В то же время он отличался крайней застенчивостью и неуверенностью в себе, особенно в присутствии женщин своего социального круга. Почти неизбежно это сочетание обстоятельств должно было сделать из него посетителя публичных домов. Позднее Толстой вспоминал, как, в пятнадцать лет посвященный старшим братом в тайны платного секса, он, потеряв невинность, плакал у кровати незнакомой проститутки. Столкновение невыносимой похоти и отвращения к собственной животной природе стало темой, к которой Толстой регулярно возвращался сначала в дневниках, а потом и в прозе. Герой его раннего рассказа «Записки маркера» после первого похода в бордель кончает с собой от ужаса и омерзения.

Именно лечась в университетской клинике от гонореи, Толстой начал свой дневник, который с перерывами вел на протяжении более чем шестидесяти лет. Самый большой интервал пришелся на те годы, когда он писал два своих главных романа. В дневнике автор подвергал суровому суду не только свои поступки, но и самые тайные мысли и желания. Пытаясь жить в согласии с высочайшими моральными критериями, которые он сам себе задает, Толстой вновь и вновь осуждает себя за неспособность им соответствовать. Читая этот документ, имеет смысл вспомнить предостережение Филиппа Лежэна: «...дневник очень редко может быть автопортретом, а те, кто его там ищет, обычно обнаруживают карикатуру»².

В дневнике Толстого мы не встретим того веселого, насмешливого, щедрого и великодушного человека, которого знаем по его письмам и по воспоминаниям родных и друзей. На современного читателя дневник может порой производить неприятное впечатление – не столько своим содержанием (ничего особенно компрометирующего Толстой о себе не рассказывает), сколько почти маниакальной погруженностью в себя и непрекращающимся самоис-

² *Lejeune Ph. On Diary / J.D. Popkin and Julie Rak (eds). Honolulu, HI, 2009. P. 179.*

тязанием. В первой же записи мы можем увидеть примерную схему борьбы с собой, которую Толстой будет вести всю свою жизнь:

Я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимают за следствие молодости, есть ничто иное, как следствие раннего разврата души. – Уединение равно полезно для человека, живущего в обществе, как общественность для человека, не живущего в оном. Отделись человек от общества, взойди он сам в себя, и как скоро скинет с него рассудок очки, которые показывали ему все в превратном виде, и как уяснится взгляд его на вещи, так что даже непонятно будет ему, как не видал он всего того прежде. Оставь действовать разум, он укажет тебе на твое назначение, он даст тебе правила, с которыми смело иди в общество. Все, что сообразно с первенствующею способностью человека – разумом, будет равно сообразно со всем, что существует; разум отдельного человека есть часть всего существующего, а часть не может расстроить порядок целого. Целое же может убить часть. – Для этого образуй твой разум так, чтобы он был сообразен с целым, с источником всего, а не с частью, с обществом людей; тогда твой разум сольется в одно с этим целым, и тогда общество, как часть, не будет иметь влияния на тебя. – Легче написать 10 томов Философии, чем приложить какое-нибудь одно начало к практике. (ПСС, XLVI, 3–4)

Эти наивные и даже несколько комические размышления показывают Толстого в миниатюре: из любых обстоятельств, сколь угодно ничтожных самих по себе, он стремится вывести общие заключения обо всем человечестве. По его мнению, внимательный и беспристрастный анализ собственной души может служить ключом к пониманию человека, поскольку каждая отдельная личность представляет собой лишь малую частицу единого целого, и одного непредвзятого рассудка достаточно, чтобы справиться с этой задачей. Он убежден, что для человека, который сумеет освободиться от искажающего воздействия общественных условий, истина самоочевидна. В то же время юный Толстой хочет жить в обществе и изменять его в соответствии с собственными представлениями. Он также не сомневается, что философия имеет смысл только тогда, когда она формирует моральную жизнь человека и определяет его поступки.

Следующие записи выдержаны в том же ключе. В одной из них девятнадцатилетний Толстой ставит себе задачу овладеть почти всеми существующими областями науки и искусства: правом, медициной, агрономией (теоретической и практической), историей, географией, статистикой, математикой, естественными науками, музыкой и живописью. Чтобы придать этим намерениям оттенок относительного реализма, Толстой оговаривается, что намерен погрузиться в эти сферы с разной степенью глубины: так, в музыке и живописи он рассчитывает достигнуть только «среднего уровня совершенства» (ПСС, XLVI, 31).

Одна из самых важных задач, которые Толстой ставил перед собой, состояла в том, чтобы «написать правила». В течение нескольких месяцев он действительно составил правила, чтобы развивать «телесную волю», «чувственную волю», «разумную волю», память, разумную деятельность и т. п. Прежде всего он предписал себе «не зависеть ни от каких посторонних обстоятельств» и «смотреть на общество женщин, как на необходимую неприятность жизни общественной, и, сколько можно», удаляться от них (ПСС, XLVI, 31–32, 262–272). Вполне предсказуемо, ему не удалось соблюсти ни то ни другое правило.

В университете Толстой хорошо успевал в языках. Он получал отличные оценки по татаро-турецкому (так этот язык назывался в программе) и арабскому, хотя скоро совершенно забыл оба. Языки вообще давались ему легко, четверть века спустя он освоил древнегреческий со скоростью, приведшей в изумление филологов-классиков. С другими предметами дело

обстояло намного хуже. Особенно мучительны были для Толстого занятия русской историей, его терзала необходимость заучивать бессмысленные, как ему казалось, даты и факты. Чтобы избежать переэкзаменовок, Толстой перевелся на юридический факультет, но не задержался и там. В 1847 году он достиг совершеннолетия и вступил в права наследства. Льву повезло: по разделу имущества с братьями и сестрой он получил Ясную Поляну. Бросив университет, он немедленно отправился домой, к любимой тетушке Туанет.

Все эти порывы, надежды и разочарования безошибочно выдают влияние Руссо. Толстой боготворил женеvского мыслителя и даже хотел носить на груди медальон с его портретом. Он глубоко усвоил и свойственный Руссо культ природы; и убежденность, что природная чистота человеческой натуры была искажена развращающим воздействием цивилизации и общественных условностей; и идеал абсолютно прозрачной души и вытекающую из него практику самонаблюдения и самоанализа. Подобно своему кумиру Толстой был одержим постоянным беспокойством и готовностью бежать от всего, что составляло его достоиние. В то же время в отличие от Руссо он никогда не был бездомным странником. Ясная Поляна с ее ландшафтами, семейной историей, укладом жизни и крестьянским миром, множеством нитей связанным с барской усадьбой, всегда давала ему чувство дома и родины. Блудным сыновьям свойственно убежать из домашнего рая, и Толстой не раз покидал Ясную Поляну, но неизменно возвращался. После последнего ухода его тело привезли домой, чтобы похоронить в родной земле.

На протяжении нескольких лет Толстой попеременно жил в Ясной Поляне, Туле (где ему, неожиданно для такого прирожденного анархиста, удалось получить sineкуру в гражданской службе), Петербурге и Москве. В обеих столицах он рассчитывал приобрести манеры и лоск, необходимый для того, чтобы занять причитающееся ему положение в обществе. Дневники Толстого этого времени отражают характерное сочетание завороженности светом и отвращения к нему. Много позже, описывая моральное разложение своей среды, Толстой вспоминал:

Добрая тетушка моя, чистейшее существо, с которой я жил [Т.А. Ергольская], всегда говорила мне, что она ничего не желала бы так для меня, как того, чтоб я имел связь с замужнею женщиной: «rien ne forme un jeune homme comme une liaison avec une femme comme il faut»³; еще другого счастья она желала мне, – того, чтоб я был адъютантом, и лучше всего у государя; и самого большого счастья – того, чтоб я женился на очень богатой девушке и чтоб у меня, вследствие этой женитьбы, было как можно больше рабов. (ПСС, XXIII, 4–5)

По словам Толстого, как только он «предавался гадким страстям», общество «хвалило и поощряло» его. Тем не менее бóльшая часть сомнительных привычек, которыми он обзавелся, вроде склонности к выпивке, пирушкам и карточной игре, принадлежала скорее гусарскому, нежели аристократическому обиходу. «Образующие молодого человека» связи с великосветскими дамами Толстому не давались, больше десятилетия ему приходилось удовлетворять свои сексуальные потребности по большей части со служанками, проститутками, крестьянками, цыганками, казачками и т. п. По «Юности» – последней части его автобиографической трилогии – мы можем заключить, что мужчины *comme il faut* интересовали его больше, чем женщины *comme il faut*. В ноябре 1851 года он записал в дневнике:

Я никогда не был влюблен в женщин. <...> Я влюблялся в м[ужчин], прежде чем имел понятие о возможности педерастии; но и узнавши, никогда мысль о возможности соития не входила мне в голову. <...> Любовь моя к Ис[лавину] испортила для меня целые 8 м[есяцев] жизни в Петерб[урге]. – Хотя и бессознательно, я ни о чем др[угом] не заботился, как о том, чтобы

³ Ничто так не образует молодого человека, как связь с порядочной женщиной (*фр.*).

понравиться ему. <...> Я всегда любил таких людей, кот[орые] ко мне были хладнокровны, и только ценили меня. <...> Красота всегда имела много влияния в выборе; впрочем, пример Д[ьякова]; но я никогда не забуду ночи, когда мы с ним ехали из П[ирогова?], и мне хотелось, увернувшись под полостью, его целовать и плакать. – Было в этом чувстве и сладостр[астие], но зачем оно сюда попало, решить невозможно; потому что, как я говорил, никогда воображение не рисовало мне любрические картины, напротив, я имею страшное отвращение. (ПСС, XVI, 237–238)

Как обычно, полезнее внимательно прислушаться к Толстому, чем пытаться подвергать его слова психоанализу. Мужчины, столь отличающиеся по социальному кругу от женщин, возбуждавших вождение автора дневника, представляют собой в его глазах идеал, которому он мечтал бы соответствовать. В центре обоих великих романов Толстого находятся пары про-тагонистов, представляющих собой разные стороны alter ego автора: добродушные, страстные, неловкие в обхождении и несколько нелепые Пьер и Левин противопоставлены безукоризненным аристократам Андрею Болконскому и Алексею Вронскому. Как было принято в этом кругу, Болконский и Вронский – офицеры. На военной службе находился также старший и любимый брат Толстого – Николай. Было практически предreshено, что Лев попытается пойти по тому же пути.

Армейская жизнь Толстого распадается на два периода – кавказский и крымский. В апреле 1851 года, проиграв за карточным столом больше, чем он был в состоянии себе позволить, Толстой отправился на Кавказ с братом Николаем. Более двух лет он прожил в казачьей станице Старогладковская, сначала как своего рода интерн, прикомандированный к полку, а потом как артиллерийский офицер. К этому времени война между Российской империей и непокорными племенами продолжалась уже более тридцати лет. В начале XIX века Россия после многолетних конфликтов смогла наконец взять верх над Оттоманской и Персидской империями и укрепиться на южном Кавказе. Однако необходимые коммуникации с вновь присоединенными территориями постоянно прерывались из-за восстаний мятежных горцев.

Учитывая особый характер местности, расквартированным вдоль границы гарнизонам приходилось опираться на поддержку казачьих общин, в которых на протяжении столетий находили убежище преступники, беглые крепостные, уходившие от религиозных преследований старообрядцы и другие переселенцы. Ревностно хранившие свой особый образ жизни казаки были гораздо зажиточней крестьян большинства центральных губерний. Мужчины занимались по преимуществу войной и охотой, оставляя многие традиционно мужские хозяйственные обязанности женщинам – сильным, независимым и пользовавшимся сексуальной свободой, неслыханной для низших сословий российского общества.

Многие романтические авторы первой половины XIX века с восхищением описывали простую и воинственную жизнь, общую для казаков и горцев, с которыми казаки сражались. Толстой с его мятежным духом и любовью ко всему дикому и естественному был очарован открывшимся ему миром и впоследствии много и охотно писал о нем. Новая жизнь принесла с собой также и еще более важный для него опыт ежедневного соприкосновения со смертью.

Смерть волновала воображение Толстого не меньше, чем сексуальность. Столкнувшись со смертью на заре жизни, он не мог перестать думать о ней, непрерывно ожидать ее, испытывая одновременно и страх, и влечение. Для солдат, горцев и казаков, которых он встретил на Кавказе, смерть была частью повседневного опыта. Толстой мог теперь наблюдать, как люди вокруг него умирают и, что было для него еще более существенным, живут в постоянном соприкосновении со смертью, бросая ей вызов, игнорируя ее, привыкая терять тех, кто был рядом днем, часом, несколькими минутами раньше.

Почти через десять лет после своего пребывания на Кавказе Толстой написал рассказ «Три смерти», где сравнил, как умирают барыня, исполненная зависти и злобы к остающимся

на земле, крестьянин, принимающий неизбежность своего ухода, и дерево, с готовностью освобождающее место для новой поросли. По Толстому, способность живого существа принять смерть и примириться с ней находится в обратной пропорции к его осознанию своей уникальности и неповторимости. Ему страстно хотелось научиться крестьянскому, если не растительному отношению к неизбежному и раствориться в жизни природы, не различающей индивидуальных существ. В то же время он не был способен отделаться от привычки к изнурительному копанию в себе, от потребности в самоутверждении и от неутолимого честолюбия.

Меня мучит мелочность моей жизни – я чувствую, что это потому, что я сам мелочен; а все-таки имею силу презирать и себя и свою жизнь. – Есть во мне что-то, что заставляет меня верить, что я рожден не для того, чтобы быть таким, как все. – Но от чего это происходит? Несогласие ли – отсутствие гармонии в моих способностях, или действительно я чем-нибудь стою выше людей обыкновенных? – Я стар – пора развития или прошла, или проходит; а все меня мучат жажды... не славы – славы я не хочу и презираю ее; а принимать большое влияние в счастье и пользе людей. – Неужели я-таки и сгасну с этим безнадежным желанием? (ПСС, XLVI, 102) –

написал он 29 марта 1852 года в Старогладковской, когда ему еще не было двадцати четырех. Его упреки в собственный адрес были неотделимы от самых честолюбивых мечтаний. В кавказских дневниках Толстого эта связь проявляется с особой силой, поскольку ему стало казаться, что он набрел наконец на заветную зеленую палочку. Еще до отъезда в армию он начал втайне набрасывать свой первый рассказ. Недоучившийся студент, помещик, ведущий рассеянный образ жизни, и младший офицер начинал ощущать себя писателем.

В отличие от Западной Европы, где аристократы-литераторы вроде лорда Байрона были скорее исключением, в России граф, взявшийся за перо, никого не мог удивить. Петровские реформы вынудили высшее сословие не только поменять одежду и бытовые привычки, но и образовать себя на европейский манер. Появление в 1762 году Манифеста о вольности дворянства примерно совпало с бурным развитием европейского Просвещения. Освобожденные от служебной повинности российские дворяне не только смогли сформировать офицерский корпус, сокрушивший наполеоновскую армию, но и создали уникальную культуру русского Золотого века.

И все же в основе этих феноменальных достижений лежало крепостное право. Со времени возникновения первых декабристских обществ моральный конфликт между новыми европейскими идеями и российской реальностью стал для части образованного дворянства невыносимым. Среди высшего сословия заговорщики составляли ничтожное меньшинство, но отпрыски самых знатных и богатых семейств оказались представлены в их рядах непропорционально широко. Самопожертвование людей, принадлежащих к привилегированной элите, произвело огромное впечатление на зарождавшееся в России общественное мнение и повлияло на формирование национального самосознания. Своего наивысшего выражения это самосознание достигло в литературе. В 1820–1830-х годах романтические представления о поэте как выразителе духа народа, призванного говорить от его имени с властью, стали, по существу, общепринятыми.

Первая половина 1850-х была столь же трудным, сколь и заманчивым временем для начала литературной карьеры. В «мрачное семилетие» после европейских революций 1848 года цензурные репрессии достигли невиданного масштаба. «Скажите мне: зачем они тратят время на литературу? Ведь мы положили ничего не пропускать, из чего же им биться?»⁴ – сказал как-то один из членов Цензурного комитета, пораженный упорством авторов, не остав-

⁴ Аппенков П.В. Литературные воспоминания. М.: Художественная литература, 1983. С. 522.

ляющих попыток проташить что-то в печать. И все же и литераторы, и читатели понимали «из чего биться». Предчувствие перемен носилось в воздухе. Именно в эти годы начинается слава Тургенева, Гончарова, Островского, Салтыкова-Щедрина. Первый литературный опыт Толстого, повесть «Детство», был напечатан в «Современнике» летом 1852 года, через несколько месяцев после смерти Гоголя и ареста Тургенева, посаженного на съезжую и высланного в деревню за некролог автору «Мертвых душ». Трудно представить себе более яркий символ перемен и преемственности одновременно.

Выбрав детство темой для своего дебютного произведения, Толстой сделал ход блистательный – и в художественном, и в тактическом отношении. В романтической культуре, охваченной ностальгией по потерянному раю, детские годы служили идеальным символом Золотого века – времени невинности и единства с природой. В социальном ландшафте Европы XVIII–XIX веков трудно было представить себе более удачную декорацию для воплощения этого переживания, чем дворянская усадьба. Именно в такой усадьбе вечный скиталец Руссо разместил описанную им в «Новой Элоизе» кларанскую утопию. Докторский сын Шиллер сделал благородного разбойника Карла Моора наследником родового замка, куда он мечтает, но не может вернуться. Толстому, родившемуся и выросшему в наследном поместье, не было нужды воображать себе потерянный рай. Он мог насытить популярный миф множеством деталей и подробностей собственной жизни.

Россия готовилась проститься со своим Золотым веком и была заранее охвачена ностальгией. Детские воспоминания могли служить относительно безопасным пристанищем при любом цензурном режиме. В то же время они не должны были вызвать раздражения у либеральных и даже радикальных читателей. Первоначально Толстой планировал придать повести форму мемуаров, однако в середине XIX столетия взрослый мемуарист не мог не видеть, на какой чудовищной социальной почве выросла эта идиллия. Толстому удалось найти новаторский подход к традиционной теме. Очень быстро он перешел к воссозданию мыслей, чувств и впечатлений десятилетнего ребенка – во всей мировой литературе это был один из первых опытов такого рода. Расположив повествование на тонкой грани между вымыслом и автобиографией, он сумел придать личному опыту универсальный характер, не поступившись при этом эффектом подлинности. Эта техника на долгие десятилетия станет безошибочно узнаваемым маркером толстовской прозы.

Сомнения в собственных дарованиях не оставляли его на всем протяжении работы над первым шедевром. «Ничего не делаю и подумываю о хозяйке, – записал он в дневнике 30 мая 1852 года. – Есть ли у меня талант сравнительно с новыми Р[усскими] лит[ераторами]? – Положительно нету». Через два дня его самооценка несколько изменилась:

Хотя в Д[етстве] будут орфогр[афические] ошибки – оно еще будет сносно. Все, что я про него думаю, это – то, что есть повести хуже; однако, я еще не убежден, что у меня нет таланта. У меня, мне кажется, нет терпения, навыка и отчетливости, тоже нет ничего великого ни в слоге, ни в чувствах, ни в мыслях. – В последнем я еще сомневаюсь, однако. (ПСС, XLVI, 119–120)

Закончив повесть, Толстой отослал ее Некрасову, главному редактору «Современника», и сопроводил посылку письмом, характерно сочетающим застенчивость с едва прикрытым высокомерием. Он вложил в конверт деньги на отправку рукописи назад в случае отказа, а в случае положительного решения попросил печатать ее под инициалами вместо полного имени. Толстой был заранее согласен с любыми сокращениями, которые может предложить Некрасов, но настаивал на том, чтобы рукопись публиковалась «без прибавлений и перемен». Он писал, что решение издателя или побудит его к «продолжению любимых занятий», или заставит «сжечь все начатое» (ПСС, LIX, 192–193).

Реакция Некрасова была более чем благожелательной. Он немедленно напечатал «Историю моего детства», как он сам предпочел озаглавить повесть, в ближайшем номере «Современника», выразил заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве с начинающим автором и высоко оценил книгу в письме Тургеневу, который также был восхищен новым талантом. Поначалу вмешательство издателя и цензоров вызвало у Толстого раздражение, граничащее с яростью. В неотправленном письме он упрекал Некрасова в изменениях и уродующих текст ошибках, особенно сетуя на перемену названия: «Заглавие *Детство* и несколько слов предисловия объясняли мысль сочинения; заглавие-же *История* моего детства противоречит с мыслью сочинения. Кому какое дело до истории моего детства...» (ПСС, LIX, 192–193). Произвольное исправление побуждало читать текст как автобиографический, что нарушало тщательно выдержанный автором баланс.

Тем не менее и читатели, и критика встретили появление повести единодушным одобрением. Читая рецензии в крестьянской избе, Толстой, как он потом рассказывал жене, «упивался наслаждением похвал» и задыхался от «слез восторга»⁵. В его дневниках помимо бесконечных покаянных признаний в праздности, пристрастии к картам и «сладострастии», которое не дает ему «ни минуты покоя», появляется уверенность в том, что ему открыто «блестящее литературное поприще», если он будет в состоянии «трудиться и воздерживаться» (ПСС, XLVI, 159–160). Сексуальное воздержание оставалось для него недоступной добродетелью, но в остальном он оказался совершенно прав.

Над «Отрочеством», которое должно было служить продолжением «Детства», Толстой работал с таким же напряжением, но это не спасало его от «безнадежного отвращения» к собственной работе и к себе самому. Ему казалось, что повесть «бесполезна и никуда не годна» (ПСС, XLVI, 180). Тем не менее напечатанное в «Современнике» в октябре 1854 года «Отрочество» было принято почти с тем же энтузиазмом, что и «Детство». Публика с нетерпением ждала новых произведений автора, уже сумевшего стать знаменитым. Толстой оправдал эти ожидания. В следующем году он начал публикацию цикла рассказов, который упрочил его славу и превратил подающего надежды дебютанта в одного из ведущих русских писателей. Для этого ему потребовалось стать непосредственным участником событий, резко изменивших ход истории.

⁵ Толстая С.А. Три биографических очерка Толстого // Литературное наследство. М., 1961. Т. 69. С. 508.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.